Октябрь в старом городе Самарканде

ГИЗО
Г 942

А. ГУМАНЕНКО

ГИЗО
Г 942

ОКТЯБРЬ В СТАРОМ ГОРОДЕ САМАРКАНДЕ

(Исторический очерк)

Государственное Издательство УзССР
Ташкент—1933

ПРЕДИСЛОВИЕ

Мы вступили в XVI й год Октябрьской революции. Мы победоносно завершили в четыре года первую пятилетку социалистического переустройства СССР под твердым ленинским руководством ЦК ВКП(б) и вождя партии и мирового пролетариата т. СТАЛИНА, сумевших поднять энтузиазм и творческую инициативу рабочих, колхозников и всех трудящихся нашего великого Союза Советских Республик.

Мы вместе с тем вступили твердыми ногами во вторую пятилетку, этот второй исторический этап строительства социализма в СССР.

Позади остались победоносно пройденными такие славные страницы революционного движения Средней Азии, как свержение правительства эмира и хивинского хана, как ликвидация Туркестанской контрреволюции вообще, ликвидация басмачества. Мы добились огромнейших исторических побед на основе закрепления Октябрьских завоеваний, на основе успешного проведения ленинской национальной политики, нашедшей свое выражение в проведении национально-территорального размежевания народов Средней Азии, на основе последовательного проведения земельно-водной реформы, на основе мощного развития хлопководства на базе хлопковых совхозов и колхозов. Мы вместе с тем имеем серьезные достижения в деле изыскания внутренних источников промышленного сырья и топлива, в деле создания энергетической базы Средней Азии и мощного развертывания на ее основе социалистической индустрии.

Вахшстрой, Чирчикстрой, Текстильстрой, новый завод Ильича, Узполиграфкомбинат, строительства Алмалыка и Карамазара, десятки других крупнейших индустриальных строек, наряду с проведением новых ж. д. магистралей, коренным образом изменят лицо Узбекистана и Средней Азии вообще.

Весь ход соц. строительства в республиках Средней Азии является живым примером, подтверждающим бессмертные слова тов. Ленина о возможности внекапиталистического пути развития восточных стран в условиях диктатуры пролетариата в сторону социализма.

Все эти огромные успехи соцстроительства являются непосредственным результатом ленинской национальной политики партии, последовательно проводимой нашей партией под руководством ЦК ВКП(б) и тов. Сталина.

Впереди предстоят годы упорной большевистской работы и борьбы за дальнейший рост культурного и экономического уровня народов Средней Азии, за дальнейшее выковывание и воспитание кадров коренного населения, за построение на базе социалистической экономики бесклассового социалистического общества, за окончательную ликвидацию капиталистических элементов.

Идя вперед от победы к победе, ведя за собой пролетариат и колхозников Средней Азии, мы ни в коем случае не можем игнорировать того исторического опыта, со всеми его положительными моментами и допущенными в прошлом ошибками, который имеет за своими плечами революционное движение Средней Азии и большевистская организация это движение возглавляющая.

Работа тов. А. Гуманенко „Октябрь в старом городе Самарканде" (правда в схематичной, полусырой форме) освещает крайне важный в истории революционного движения Средней Азии вопрос о том, как, в какой мере трудящиеся коренных национальностей (рабочие, ремесленники, бывшие фронтовики 16 года) участвовали в борьбе за Советскую власть, за свержение власти царских чиновников и буржуазии.

Автор приводит ряд интересных фактов, многие из которых впервые становятся достоянием широких читательских масс (большой пробел в работе наших исследователей и историков, что крайне медленно обрабатываются и публикуются огромные материалы исторических архивных документов эпохи 1917—24 г.г.) и дают, правда на примерах одного только города, ответ на отмеченный выше интересующий нас вопрос.

Автор иллюстрирует рядом жизненных примеров то совершенно беспорное для нас положение (которое правда и до сих пор еще оспаривается контрреволюционерами всех мастей и национальностей), что:

„Политическое оформление классовой диференциации в среде туземного населения после Февральской револю-

ции уже дошл до того, что еще до Оятября начала сосдаваться здаваться смычка политич передовых слоев трудящихся масс колонии с революционным пролетариатом. После февраля власть в кишлаках закрепляется в руках буржуазно-помещичьей верхушки; усиливается торгово-ростовщическая и помещичья эксплоатация трудовых слоев кишлака и аула. Трудящиеся кишлака видят единственного своего защитника в лице пролетариата. Они начинают обращаться в город, в советы рабочих и солдатских депутатов, за помощью против байско-капиталистической диктатуры. Начинается смычка между трудовой деревней колонии и колониальным революционным пролетариатом. Организации туземных рабочих, городской бедноты, кустарей, мелких ремесленников („Союз трудящихся мусульман" в Фергане, „Иттифак„ в Самарканде) поддерживают Советскую власть. Союз строительных рабочих в старом Ташкенте участвует в борьбе за Советскую власть в октябрьские дни. Задачей революционной пролетарской партии, задачей органов Советской власти являлось привлечь к себе эти организации, втянуть их в активную политическую деятельность, обеспечить максимально их влияние, связать их с широкими национальными слоями трудящихся города и деревни. При таких условиях в короткий срок была бы создана социальная база Советской власти среди трудящихся масс колонии. Однако, вместо организации и привлечения трудящихся колонии и развертывания классовой борьбы в туземном кишлаке и городе, руководители Советской власти в Туркестане пытались разрешить национальные отношения, этот кардинальнейший вопрос пролетарской революции в колонии, политикой . . . парламентских комбинаций и беспринципных блоков.

Организации трудящихся колониального населения—„Союз трудящихся мусульман", „Иттифак"—оттирались в сторону, активно не привлекались к советской работе, организационная и пропагандистская работа среди них не велась. Им не особенно доверяли, к ним относились с подозрением, с великодержавной пренебрежительностью. Тем самим эти организации отбрасывались от пролетариата, зачастую попадая под влияние национальной буржуазии".[1])

Автор приводит ряд фактов борьбы рабочих и бедноты старого города, членов организации „Иттифаки", с пани-

---

[1] Ф. Божко—„Гражданская война в Средней Азии", Узгиз 1930 г., стр. 15

сламистами и пантюркистами в лице „Шурои Ислам“ и др., которые неоднократно подымали голову, пользуясь попустительством и политической близорукостью руководителей совета.

Труд автора ценен как фактический материал, дающий, правда в очень сжатой форме, характеристику деятельности в области разрешения национального вопроса советских и партийных организаций Самарканда в богатый событиями период 1917—1919 г.г.

Н. Гарвей

ФЕВРАЛЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

ГЛАВА I.

„МУСУЛЬМАНСКИЙ КЛУБ"

Первые дни февральской революции прошли в Самарканде под знаком обильно распространявшихся листовок и лозунгов, в условиях усиленной подготовки к демонстрации.

Из центра все время приходили новые и новые известия.

28 февраля, спустя 5 дней после революции в центральных губерниях России, граждане старого и нового Самарканда совместно с воинскими частями гарнизона под красными знаменами и лозунгами, с пением „Вставай, поднимайся, рабочий народ" мощной демонстрацией прошли по главным улицам старого и нового города.

В этот день под руководством неуспевших еще сорганизоваться одиночек большевиков, меньшевиков и эсеров было проведено первое гражданское собрание, на котором были избраны депутаты в Совет от рабочих, дехкан и революционных солдат.

От старого города в том числе было избрано 18 депутатов, из них 14 от неорганизованого населения, а 4 от единственной в тот период организации—джадидской.

В числе избранных от рабочих были: Абас Ходжа Акил Ходжаев, Тулябай Джурабаев, Уста Кавил Хаитов и др.

От джадидской организации: Бекбуди, Шакарбанов и др.

ОРГАНИЗАЦИЯ „МУСКЛУБА"

Как мы уже указывали выше, в те времена в старом городе, кроме джадидской организации, никаких других политических организаций не было.

Восстание 1916 года пробило первую глубокую брешь между рабочими и городской беднотой с одной стороны, и крупной буржуазией разряда „Москвабаев"[1], духовенством

[1] „Москвабаями" назывались беднотой и рабочими баи, привозившие товары непосредственно из Москвы и являвшиеся самыми крупными баями. По существу это компрадорская буржуазия.

и царскими чиновниками с другой. Идеологи национальной буржуазии—джадиды—уже не имели былого влияния на рабочих, мелких товаропроизводителей—кустарей и ремесленников—и городскую бедноту.

Во время восстания и в процессе его, джадиды заняли позицию трусливого нейтралитета, а наиболее реакционные группы джадидов—выразители москвабаев—приняли даже активное участие совместно с чиновничеством и высшим духовенством „в успокоении" народа, зарабатывая на этой „операции" крупные суммы.

Все это весьма сильно подорвало авторитет и доверие трудящихся масс к джадидам.

6-7 марта в местности Кош-Хауз старого города открылась первая организация рабочих и старо-городской бедноты—так называемый „Мусклуб" (мусульманский клуб). Мы называем „Мусклуб" организацией рабочих и городской бедноты потому, что он организовался под давлением „низов", чуствовавших насущность своей, новой организации.

Но джадиды, с целью контролировать движение рабочих и бедноты и направить его по национальному руслу, а также с целью не потерять окончательно своего влияния на массы, сами приняли участие и стали во главе этой организации. Это удалось им главным образом потому, что в среде революционно настроеных рабочих и бедноты царила почти поголовная безграмотность.

В правление „Мусклуба" были избраны: председателем Акабир Шамансуров, членами—Бек-Буди, Шаймарданкул Шакарбанов, Абдухалил Хасанджанов. Все они являлись членами джадидской организации, но вместе с тем представителями оппозиционно-настроенного ее крыла против высшего духовенства, компрадорской буржуазии („москвабаев") и царского чиновничества.

ОРГАНИЗАЦИОННАЯ РАБОТА „МУСКЛУБА"

Под давлением „низов" Мусклуб вынес постановление: „снять с работы всех царских чиновников, ликвидировать царский аппарат, а вместо него избрать по примеру нового города комитеты из 3 х лиц".

Однако снят и ликвидирован был лишь низовой аппарат—квартальные иликбаши (пятидесятники), вместо которых были созданы выборные комитеты из 3-х лиц, так называемые „полкомитеты".

В большинстве своем пролетарии и полупролетарии, эти „полкомитеты", вооруженные дубинками, поочереди

охраняли по ночам улицы старого города, и уже одно это навело ужас на крупную буржуазию и духовенство; клубок контрреволюции начал быстро смыкаться и через 15—20 дней после организации мусклуба в противовес последнему организовался „Шурои Ислам“,организованный „улемой“— организацией высшего духовенства и реакционной нацио-листической буржуазии разряда „москвабаев“ совместно с царским чиновничеством.

„Шурои Ислам“ повел непримиримую борьбу против „Мусклуба“ за связь и тягу „низов“ к русскому пролетариату, обзывая их „неверными“, „веропродавцами“ и т. п.

Духовенством старого города совместно с их приспешниками—фанатиками преследовалось „все европейское вплоть до фуражек, костюмов и пуговиц“. Их владельцев преследовали, называли их „джадидами“ (неверными). Целью всего этого было „не дать рабочим и бедноте сомкнуться с русским пролетариатом“, чего особенно боялся „Шурои Ислам“.

Наряду с этим они ставили себе задачей не дать возникнуть самостоятельным рабочим организациям, а также недопустить джадидов возглавить движение масс.

Во главе „Шурои Ислам“ стали самые крупные и влиятельные представители духовенства, буржуазии и чиновничества как то:

Кози Исахан, по прозвищу „Кози Калон“ (верховный судья); Ташпулат бай-бача, еще во времена царизма получивший „почетный халат“ за верную службу царю; Кари Нажметдин Хайдаров (из духовенства); Мирза Джамал Файзуф (секретарь этой организации); Абдулла Ходжа Абдувахид Ходжа; мулла Аман Фазилов и мулла Салим Назаров (из высшего духовенства); Хасан Зубайдуллаев, Мамараим Мамад Амин, Ходжа Мухамедов, Шамси Максум и др.—крупные баи („москвабаи“).

С дальнейшим ходом революции, вокруг „Шурои Ислам“ все более и более смыкались бывшие царские чиновники старого города, все еще державшие аппарат власти в своих руках, и сметенное февральской революцией царское чиновничество нового города: губернатор Самаркандской области Сивков, генерал Кульджанов Тора, б. казачий офицер Бржезицкий и др.

Штаб „Шурои Ислам“ обосновался в Сузангаранской части в квартале Хауз-Санг.

Само по себе название—мусклуб—дает наглядное представление о влиянии в нем джадидов—идеологов национальной буржуазии. Трудящиеся же массы старого города называли его просто „Камбагалляр егелышы“ (собрание бедноты).

Ежедневно клуб посещало 80—100 человек, преимущественно одиночки рабочие и кустари и очень немногие мелкие торговцы.

Мусклуб провел 4 массовых демонстрации и от 6 до 9 заседаний (протоколы клуба до сих пор не найдены). Клуб выписывал и распространял газету „Айна“ (зеркало).

Просуществовав полтора месяца, клуб, самоликвидировавшись, закрылся. Главные руководители его разошлись по старому городу.

Точная причина распада клуба неизвестна. Ясно одно—внутри клуба, в стенах его, шла ожесточенная классовая борьба между „низами“ и „верхами“. Революционно настроенная масса требовала дальнейшего смещения всех царских чиновников, все еще державших аппарат власти в своих руках, и повсеместного создания по примеру нового города выборных комитетов. Но трусливые руководители джадиды не были способны провести такое мероприятие. Вместо этого они предлагали массе отложиться от нового города и создать автономию в старом городе, идя на компромисс организации „Шурои Ислам“ под лозунгом объединения мусульман.

Но даже в те времена эти лозунги не встретили поддержки среди рабочих и старогородской бедноты. 16 год был свеж в памяти у всех.

Не имея твердой почвы под ногами, находясь под ударами духовенства и чиновничества, „верхи“ „Мусклуба“ разошлись по старому городу. Оставшись без руководителей, не встречая кроме сочувствия никакой реальной помощи со стороны русских рабочих, клуб вынужден был закрыться.

Один из членов „Мусклуба“, рабочий Ташпулат Насруллаев (ныне член ВКП(б) с 1917 г.), в один прекрасный день закрыл клуб и унес с собой ключи.

ГЛАВА II.

РАБОЧИЕ „1916 ГОДА“ В РОССИИ

Оставив на время Самарканд, обратимся к той группе рабочих, которые были насильственно мобилизованы пра-

вительством из Самарканда и находились в России, где их застала февральская революция.

Группу рабочих—самаркандцев (третий эшелон, четвертая партия) в количестве 125 человек пригнали в г. Одессу для дальнейшего направления их на тыловые работы.

Царские чиновники, рассчитывая погреть руки на даровой силе, перепродали всю эту группу самаркандцев одному крупному сахарозаводчику. Последний, уплатив требуемую сумму, пригнал рабочих в местность Любашевка на сельскохозяйственные работы.

Вскоре за зверское обращение и полуголодное существование рабочие объявили забастовку и несколько дней не выходили на работу.

Разъяренный сахарозаводчик вызвал войска и полицию, отдал всех забастовавших под суд.

Рабочих обратно пригнали в г. Одессу, откуда в наказание отправили часть в Херсон, часть в гор. Николаев на тыловые работы на военных сено-прессовальных заводах.

Здесь их и застала через два месяца февральская революция.

На помощь революционным рабочим Петрограда против белоказаков из Николаева отправилась стрелковая дивизия. С этой дивизией в качестве добровольцев отправилось 5 узбеков и таджиков. Под Ленинградом и на подступах к нему в среде революционных солдат было много добровольцев-туркестанцев.

Трое добровольцев из вышеупомянутой пятерки погибли в бою, а два остальных, в том числе и Мирбаба Юлдашев, вернулись обратно в Николаев.

В то время в Одессе находился уполномоченный по делам инородцев—рабочих- „сартов"—минбаши Кабильджанов Абдуджафар.

Получая от казны жалованье для сотни рабочих, Кабильджанов преспокойно присваивал его себе, обрекая тем самым рабочих на голодное существование. Сам же Кабильджанов на этой, по его выражению, „удачной операции" нажил себе огромное состояние.

Рабочие гор. Николаева избрали уполномоченным по делам инородцев тов. Мирбаба Юлдашева, которого и отправили в Одессу для привлечения Кабильджанова к суду.

М. Юлдашев[1] установил связь с Одесским Советом рабочих, крестьянских, солдатских и матросских депутатов,

---

[1]. См. воспоминания красного партизана Мирбаба Юлдашева в архиве документов № 691 от 13/VII-30 года и др.

вошел от инородцев в члены его. По требованию Совета Абдуджафар Кабильджанов был заключен в тюрьму впредь до разбора его дела.

Февральская революция в Одессе освободила из тюрьмы тов. Чалапеева—участника революции 1905 года, арестованного за революционную работу. Татарин, родом из Казани, он организовал у себя дома политические собеседования для рабочих-туркестанцев по два часа днем и по два часа вечером. Полтора месяца посещал эти курсы и Мирбаба Юлдашев. Основной темой этих бесед была: „как надо работать по прибытию в Туркестан". Тем временем Совет, председателем которого был некий Акчурин, вел переговоры с центром от имени рабочих-инородцев об их отправке обратно на родину. Аналогичные ходатайства сыпались также и от других групп, рассеянных по многим уголкам России.

Вскоре в центральных газетах появилось извещение:

„Дальнейшую отправку инородцев прекратить, а всех сартов вернуть домой".

На основании этого самаркандцы вернулись домой, захватив с собой из тюрьмы для расправы с ним на месте и арестованного бывш. минбаши (тысячника) Абдуджафара Кабильджанова. Одесский совет обещал вслед за ними выслать его дело.

Мы привели здесь все эти факты для того, чтобы показать что в Туркестан возвратились из России уже не те темные дехкане и рабочие, а политически выросшая, революционно настроенная стотысячная армия рабочих—националов.

Трогательна была встреча близких и родных. Она еще более сплотила трудящихся на борьбу со своими угнетателями — буржуазией, духовенством и царским чиновничеством.

Многие рабочие приехали уже во всем европейском, а некоторые, как например Мирбаба Юлдашев, даже в полной военной форме. Многие научились, хотя и нескладно, говорить по-русски.

Во весь рост встал вопрос об организации самостоятельной рабочей партии.

ГЛАВА III.

ОРГАНИЗАЦИЯ „ИТТИФАКИ"

Ровно через два дня после распада „Мусклуба" в Самарканд вернулись насильственно мобилизованные царизмом рабочие 16 года.

Вновь оживилась с новой силой работа по вовлечению трудящихся масс в активную политическую жизнь и борьбу.

На третий день по приезде своем за организацию самостоятельной рабочей партии взялась группа в 10—12 рабочих, поведшая подготовительную работу и создавшая ядро или инициативную группу по организации рабочей партии.

В состав этого ядра входили: Ходжи Сафа Джурабаев—рабочий, Абдуджалаев—бедняк, Мирбаба Юлдашев—рабочий, Абдухалик Ширинбаев—рабочий, Ташпулат Насруллаев—рабочий, Достов—рабочий.

Кроме того в состав ядра входили Муса и Абдулла Акчурины от стоявших тогда в Самарканде войсковых частей 6 дивизии и 12 полка. Был также один русский рабочий и один армянин (ныне красный партизан), фамилии их обоих автору однако выяснить не удалось.

Обстоятельства сложились так, что с самого начала работы инициативная группа не избегла ошибок „Мусклуба".

В работах по организации рабочей партии приняли участие также джадиды: Бек-Буди, Шакарбанов, Коканбаев — правая рука бывш. губернатора и его литературный переводчик, Ширинбаев Каюм—бывш. техсекретарь губернатора, Шамансуров Акабир—сын крупного торговца, влиятельный джадид, Ниязов Мухамед Амин—сын крупного мануфактуриста, братья Ходжа и Салим Хасанджановы—торговцы.

Характерно, что устав для организации уже не рабочей партии, как это предполагалось первоначально, а для организации „Союза трудящихся мусульман" („Иттифаки"), был завезен сюда из Казани.

Как и раньше, во времена работы „Мусклуба", джадиды участвовали в этой работе с целью контролировать всякое движение рабочих и бедноты, стать во главе его и придать ему национальный характер.

Что же касается участия некоторых бывших царских чиновников, то они по существу являлись агентами „Шурои Ислам", донося последнему о всех мероприятиях и планах инициативной группы.

Сами рабочие—организаторы „Иттифаки" так объясняли присутствие в организации своих врагов:

„Мы сами вынуждены были их приглашать: у нас в организации некому было писать протоколы, лозунги, плакаты и воззвания к населению. Мы все были неграмотны. Однако в руководстве стояли мы—рабочие и беднота, а они выполняли технические работы. Во время различных выборов мы избирали только рабочих и бедноту."

Организаторы „ИТТИФАКИ".

Абас Ходжа Акил Ходжаев, чл/п с 1917 г., красный партизан, рабочий.

Мирбаба Юлдашев, чл/п с 1917 г., выбыл механически по болезни в 1921 году, рабочий.

Ташпулат Насруллаев, чл/п с 1917 г., красный партизан, рабочий.

Однако влияние джадидов дало уже о себе знать, а присутствие, хотя бы и на краткий период времени, бывших царских чиновников в первые дни организации „Иттифаки“ дало вскоре свои горькие последствия, о чем ниже.

Первое предварительное совещание состоялось в мечети Ходжа Юсуп Хамадани, на котором было решено собраться на митинг на площади Рай-Абада (Гарумур); однако митинг не состоялся, собралось всего 16—20 человек и участникам пришлось ограничиться проведением совещания о дальнейшей работе. На повестке совещания стояли вопросы: „О необходимости самостоятельной рабочей партии“, „о борьбе с духовенством и байством“.

Особенно ярко и горячо выступил первый докладчик бедняк Абдуджалал (вскоре после этого зверски убитый шуроисламистами). Кроме него выступали Ходжи Сафа Джурабаев, Мирза Абдукаюм Ширинбаев и др. Протокол совещания писал Коканбаев.

Вскоре был созван первый массовый митинг в еврейском парке напротив Шах-Зинда, где собралось до 4.000 участников.

Перед этой огромной массой, состоящей из узбеков, таджиков, туземных евреев и др., выступил с докладом „О политическом состоянии России и Туркестана“ Мирбаба Юлдашев. После него выступали Ходжи Сафа Джурабаев, Ишанкул Мирджамалов, братья Акчурины—Мустафа и Абдулла, Достов, а всего 18 ораторов от рабочих и войск.

От джадидов выступали Бек-Буди и Шакарбанов.

Предложение рабочих об организации самостоятельной политической рабочей партии и призывы ораторов рабочих—совместно с русскими рабочими и солдатами выступить против продавших их бывш. царских чиновников, баев и духовенства—были встречены рабочими и беднотой громом восторженных одобрений.

КЛАССОВАЯ БОРЬБА РАЗГОРАЕТСЯ

„Шурои Ислам“ не спал. Эта организация зорко, через свою агентуру, следила за каждым шагом организационной работы „Иттифаки“.

После митинга в Еврейском парке, на котором официально было оповещено об организации „Иттифаки“, „Шурои Ислам“ начал ожесточенную борьбу.

В тот же вечер во всех мечетях шли собрания граждан—буржуазии, духовенства, аксакалов частей, и гузаров

города и квартальных „полкомитетов", избранных еще во времена „Мусклуба".

На всех этих собраниях было вынесено протокольное постановление:

„1) Ни под каким видом не дать рабочим организовываться в самостоятельную партию;

2) Кто будет вести агитацию за организацию рабочей партии, тех выселить из квартир, а семьям не давать воды из хаузов;

3) Ораторов, выступавших на митинге в Еврейском парке при Шах-Зинда подвергнуть следующим наказаниям: Мирбаба Юлдашева приговорить к расстрелу, а Ишанкул Мирджамалова и др. к десяти годам каторги;

4) Просить от имени всех (!?!) граждан старого города Самарканда комиссара области Слинко привести в исполнение приговор, поручив это дело почетному гражданину Ташпулату Байбаче".

На следующий день этот палач подкупил семерых нашевантов (курильщиков анаши), передав каждому из своего сундука по 25 рублей с заданием дать ложные показания на вчерашних ораторов—рабочих, и предстал с ними вместе перед Слинко, присланным Керенским на место смещенного губернатора Сивкова.

Выслушав через переводчиков Ташпулата Байбачу и получив протокольное постановление, комиссар отдал приказ переловить и представить к нему всех вчерашних смутьянов. Нужды в этом однако не было.

Главный обвиняемый—приговоренный к расстрелу Мирбаба Юлдашев, несмотря на полученное предупреждение, сам явился к комиссару.

Вот что он сам рассказывает:

„Когда я вошел к комиссару в Областное Управление, то переводчик Кари Хафис Шейтанча (их было четверо братьев Хафизовых и все они были еще при губернаторе переводчиками и его правой-рукой. „Шейтанча"[1]—прозвище, данное им рабочими и беднотой за их продажность и взяточничество) переводил ложные показания подкупленных свидетелей комиссару.

— Не прибыло ли дело Камильджанова Абдуджафара?—спросил я комиссара.

Узнав, что я тот самый разыскиваемый, комиссар подал знак. Человек 10—15 солдат, обнажив клинки, окружили меня сзади.

— Ты был вчера в толпе перед Шах-Зинда?—грозно спросил меня комиссар.

Я в начале очень испугался при виде окруживших меня солдат с клинками наготове, но затем собрался с духом.

— Там была не толпа, а митинг для организации рабочего профсоюза, который вы разрешили.

Комиссар побагровел и, топнув ногой, вскричал:

---

[1] „Шейтанча"—чертенята.

— Когда я вам разрешал?

Тогда я вынул из-за пазухи центральную газету, где объявлялось о разрешении открывать профсоюзы (эту газету я привез с собой из России) и, ткнув в соответствующее место пальцем, сказал:

— Вот, товарищ комиссар, посмотрите, здесь разрешение и ваша подпись.

При слове „товарищ" глаза у комиссара стали с пиалу. Он посмотрел на газету и, понизив тон, сказал:

— Да, но свидетели говорят совершенно другое. Они показывают, что вы призывали народ свергнуть нас и восстановить самодержавие, что вы сами собираетесь стать губернатором и уездными начальниками.

— Эти свидетели все подкуплены, они получили по двадцатипятирублевке вот от этого самого Ташпулата Байбачи за ложные показания,—отвечал я и, вынув из кармана браунинг, неожиданно приставил его ко лбу одного из свидетелей и крикнул:—сознайся, получил ты взятку за ложное показание или нет?

Тот с испуга дрожащей рукой вынул новенькую 25-рублевку и положил ее перед комиссаром.

— Да, я брал,—сказал он.

Вслед за ним сознались и другие и выложили перед комиссаром семь штук двадцатипятирублевок. Я взял одну из них и поднес к самому носу комиссара:—Вот понюхай, чем пахнет (от нее пахло духами)! Откуда у этих бродяг нашевантов такие суммы, да еще чтобы от денег пахло духами? Эти деньги им дал этот Ташпулат Байбача из своего сундука за ложные показания.

Комиссар плюнул в лицо Ташпулата Я обернулся. За мной уже давно исчезла грозная стража. Я облегченно вздохнул.

Мы рабочие просили дать Ташпулата Байбачу нам на расправу, но комиссар не разрешил.

— Я сам его арестую. Ступайте и организовывайте согласно постановления, опубликованного в этой газете, профсоюзы!!

98323

Ташпулат Байбача был приговорен к трем годам домашнего ареста. После этого случая он совершенно сошел с политической арены, заперся у себя и через два года умер. Несколько раз дом и имущество его подвергались реквизициям в пользу голодающих со стороны „Иттифаки."

Через 6 дней после первого митинга и описанного случая на площади Рай-Абада (Гарумур) был созван второй митинг, посвященный организации „Иттифаки".

Джадиды на этот митинг в этот раз не пришли.

Ввиду людности этой местности на митинге присутствовало до 150 человек. С речами выступали Мирбаба Юлдашев, Ходжи Сафа Джурабаев, Ишанкул Мирджамалов и др.

Однако к концу митинг был сорван членами „Шурои Ислам" и резолюцию вынести не удалось.

В третий раз митинг был созван в саду Ходжа Юсуп Хамадани (по Овражной улице); здесь приняли участие в митинге 150—200 рабочих и бедноты, представители от воинских частей и несколько русских, армян и персов.

После вторичного постановления об организации „Иттифаки" открыли запись желающих вступить в члены этой

ИНСТИТУТА ЛЕНИНА

РАБОЧИЕ ПОЛИТОРГАНИЗАЦИИ СТАРОГО САМАРКАНДА 1917-18 г.

организации. Несколько десятков рабочих и бедноты тут же внесли членские взносы. Во время митинга прибыла новая партия рабочих в количестве 17 человек во главе с тов. Азимбаевым, которые приняли живое участие в работе по организации „Иттифаки".

После митинга участники организованно с распущенными красными знаменами, торжественно отправились в Совдеп (здание впоследствии занимавшееся ЦИК'ом УзССР).

Здесь на площади демонстрантов торжественно встретили члены Совдепа с оркестром, знаменами и лозунгами во главе с тт. Фроловским, Гущей, Гибатуллиным, Чечевицким, Беловым, Физилевским и др.

После многочисленных приветствий и лозунгов единения трудящихся всех национальностей под руководством партии большевиков, организация „Иттифаки" была признана официальной политической организацией трудящихся коренного населения.

В состав Самаркандского Совета рабочих, дехканских и солдатских депутатов от „Иттифаки" вошли три депутата: Ходжи Сафа Джурабаев, Мирбаба Юлдашев, фамилия третьего не установлена, все трое—рабочие.

Правление „Иттифаки" поместилось в Ходжа Юсуп Хамадани. В состав его были избраны: председателем Мирбаба Юлдашев, зампредседателя Каюм Ширинбаев, секретарем Ишанкул Мирджамалов, казначеем Нарзикул Азимбаев. За исключением Ширинбаева весь состав был рабочим.

Таков был первый период работы „Иттифаки", когда его можно было без особых оговорок считать рабочей организацией.

Но вскоре правление переходит в Янги Раста (в здание, где теперь кино). Здесь по неизвестным причинам из состава правления уходят Мирбаба Юлдашев, Ишанкул Мирджамалов, Нарзикул Азимбаев. Все трое переходят на работу в Совдеп.

Правление „Иттифаки" вновь переизбирается. Председателем становится Махмуд Аминджанов, секретарем Мирза Каюм Ширинбаев (бывш. зампред.), казначеем Насыр Мулла Тулябай Джурабаев, рассыльным рабочий Ташпулат Насруллаев.

На заседании правления был намечен ряд кандидатур для замены все еще старого аппарата и чиновничества; так на пост комиссара 3-го района, обнимающего всю территорию старого города, выдвинули рабочего Достова.

На митинге, четвертом по счету, в местности Бачи Майдан Гузар Хауза, на котором присутствовало 150—200 че-

ловек, были оглашены списки кандидатур. Однако ни к каким реальным результатам все это не привело. Сместить царских аппаратчиков и чиновников, опиравшихся на „Шурои Ислам", „Иттифаки" не смог; однако под этими лозунгами „Иттифаки" продолжал линию на завоевание масс и увеличение числа своих членов.

Таким образом в старом городе в Самарканде налицо было двоевластие.

С одной стороны—„Иттифаки", своеобразный старогородской совет, опиравшийся на своих членов и на избранные еще во времена „Мусклуба" квартальные „полкомитеты" (нечто в роде низовых советов), а с другой стороны—организация „Шурои Ислам"—блок реакционными компрадоров и духовенства, опиравшийся на гузарных и аксакалов четырех частей старого города.

Все более и более симпатии трудящихся масс переходили на сторону „Иттифаки". Они постепенно высвобождались из под влияния духовенства и буржуазии. Это видно хотя бы из роста числа членов „Иттифаки", который быстро рос, дойдя в течение двух-трех месяцев до 1500—1600 человек.

Правление было перенесено в Заргарлык Раста, а оттуда в Кош-Хауз, где была занята балахана в доме одного перса.

Дополнительно от „Иттифаки" в Совдеп были избраны еще 12 депутатов: Ишанкул Абдурасулев, Уста Ибрагим Саид Камалов, сын его Шамсетдин Ибрагимов, Достов, Ишанкул Мирджамалов, Абдуджалалов, Абас Ходжа Акил Ходжаев, Факия Абдул Азизов и др.

По социальному положению все это были рабочие, кустари и бедняки—полупролетарии (так мы называем связанных еще с землею рабочих).

ГЛАВА IV.

ВЫБОРЫ В УЧРЕДИТЕЛЬНОЕ СОБРАНИЕ. ПЕРВЫЙ РАЗГРОМ „ШУРОИ ИСЛАМ"

Описанные выше события вплотную подвели старый Самарканд к голосованию в „Учредилку".

Не углубляясь в детали голосования, его хода, борьбы многочисленных партий между собой и т. п., перейдем к освещению того, как проходил сбор избирательных голосов.

Для сбора пакетов весь старый город был разбит на 25 пунктов.

„Иттифаки", в целях предупреждения злоупотреблений со стороны „Шурои Ислам", прикрепил по одному из активных членов к ящикам для сохранения порядка сбора пакетов.

Заранее предвидя, что со стороны „Шурои Ислам" готовится нападение на сторонников и активных членов, еще за день до сбора „Иттифаки" обратилась в Совдеп, прося выслать к каждому пункту войска для охраны порядка. Однако Совдеп от этого отказался, видимо считая слухи о возможных эксцессах преувеличенными.

Организация „Шурои Ислам" голосовала за список № 1 и чтобы перетянуть массу на свою сторону печатала свои номера на красных бумажках. Список № 2, за который голосовали рабочие и беднота вместе с „Иттифаки", имел желтые бумажки.

Джадиды к тому времени распались окончательно; реакционная их часть перешла в „Шурои Ислам", а левая, во главе с Бек-Буди, шла еще с „Иттифаки".

Таким образом в качестве самостоятельной организации джадиды в Самарканде в тот период времени не выступали, потеряв опору в среде широких трудящихся масс, и лишь поддерживались некоторой частью мелкой и средней торговой буржуазии.

Левая группа джадидов, влившись в „Иттифаки", постепенно вытесняла и заменяла неграмотных председателей—рабочих.

Таким образом при выборах депутатов в Учредилку в старом Самарканде столкнулись и вели борьбу между собой лишь две организации—„Иттифаки" и „Шурои Ислам".

С одной стороны выступали—духовенство и его многочисленные приспешники; крупная буржуазия—москвабаи; большая часть средней и мелкой буржуазии—торговцы; некоторое количество мелких товаропроизводителей—кустарей, ремесленников и городской и пригородной кишлачной бедноты.

С другой стороны, за „Иттифаки" шло большинство рабочих, кустарей одиночек, городской и кишлачной бедноты и некоторое количество мелких и средних торговцев.

Трудно выяснить количественное соотношение сил, однако перевес в значительном проценте был на стороне „Шурои Ислам".

Когда граждане подходили и бросали в ящики свои пакеты, то некоторые члены „Шурои Ислам", организованно подходя к ящикам, пытались бросить в них целые кипы пакетов с первым номером.

На почве этого произошло ряд свалок с караульными от „Иттифаки", недопускавшими этих проделок.

Весь город загружал пункты; возле каждого из них в ожидании очереди и просто из любопытства стояли огромные массы граждан.

И вот некоторые члены „Шурои Ислам" с криками: „бей рабочих" бросились избивать караульных у ящиков и попадавшихся отдельных активных членов „Иттифаки". Так избит был в пункте Ходжа Зумрат тов. Ниязов Махмуд Амин: ему сломали ребро.

Помимо этого зафиксирован целый ряд фактов избиения.

В пункте № 21 в квартале Чокар Ходжа Ходжа-Ахрарской части был избит караульный „Иттифаки" и член Совдепа Ишанкул Абдурасулев. В момент опускания пакетов с номерами в избирательный ящик, подошел подрядчик самаркандского базара Шакирбай, несший в руках целую кипу пакетов и пытавшийся бросить их в ящик. Абдурасулев кинулся к нему с криком „куда ты лезешь, здесь тебе не базар!".

Шакирбай, видимо всегда и всюду привыкший действовать оптом, обернулся в сторону толпы и заскулил:

—Эй, мусульмане! Этот неверный пес не дает нам работать! Что это за мусульманство!

Толпа членов „Шурои Ислам" с криками „бей его, бей!" бросилась избивать Абдурасулева. Он был избит до полусмерти.

В пункте Хавуз-Санч-гузара Сузан-Гаранской части был избит Зайнетдин Салаатдинов.

В одном из пунктов Каландархана-части был избит Ибрагим Саид Камалов (кустарь, член Совдепа, отец Шамсетдина Ибрагимова).

В другом пункте Сузан-Гаранской части Каландар Хана гузара был избит прикрепленный от „Иттифаки" Ишанкул Мирджамалов (член Совдепа).

В гузаре Ташрача Ходжа—ахрарской части был избит член „Иттифаки" парикмахер Урун; шуроисламисты избив посадили его на арбу и измазав лицо колесной мазью пустили его по городу, издеваясь над членами организации „Иттифаки".

В пункте Намазри-гузар Сузан-Гаранской части был избит Шара Акилов.

В числе избитых был также Факия Абдул Азизов, татарин, член „Иттифаки".

С П Р А В К А.

Мы, нижеподписавшиеся, члены РКП/б/: I/ АБДУШУКУРОВ Абдурахим, 2/ РАХИМОВ Кары-Вурган и 3/ ДЖУРАБАЕВ Тюлябай. даем настоящую справку жителю квартал Мирза-Пулат Каландарханинской части города Самарканда Ишанкулу АБДУРАСУЛОВУ в том, что в 1917 году в период выборной кампании в учредительное собрание, тогда когда в городе существовали две политические парии, как-то: 1/ партия "Шари Исламистов"/т.е. организация байства и духовейства/ и 2/ рабочая партия "Иттифак" /организация рабочих/ и когда две эти партии почти на всех избирательных пунктах выставляли своих представителей с целью привлечения больше голосов и на этой почве между представителями рабочей партии и партии духовенства и байства почти на всех избирательных пунктах происходило столкновение. что действительно в то время представитель Рабочей партии "Иттифак" прикрепленный к избирательному пункту № 21 в квартале Чакар-Ходжа -Ахрарской части он АБДУРАСУЛЕВ Ишанкул был сильно избит представителями партии духовенства и байства и некоторое время находился в больнице.

Настоящая справка выдается по личной просьбе т. АБДУРАСУЛЕВА.-

I/ Джурабаев

2/ А. Абдушукуров

3/ Б. Рахимов

Бывш. Красногвардеец - Красный Партизан при Самаркандском

В пункте № 21 квартал Ходжа-джан Ходжа-Хайрабадской части был избит Абас Ходжа Акил Ходжаев [1].

В двадцатипяти избирательных пунктах старого города шло избиение рабочих, охранявших избирательные ящики. Избитыми оказалось также много членов „Шурои Ислам". В этот день в больницу было доставлено много избитых и раненых членов „Иттифаки"—рабочих и кустарей.

На помощь „Иттифаки" из нового города прибыли войска в сопровождении товарища Кара Бурхан Рахимова.

Разделившись на отряды, войска в сопровождении 1-2 членов „Иттифаки" двинулись во все части старого города для охраны пунктов и водворения порядка.

По настоянию совдепа прокурор арестовал около 90 человек из верхушки „Шурои Ислам"—все крупные ишаны, баи и бывшие чиновники.

Когда арестованных привели к зданию Совдепа, к ним вышел тов. Фроловский.

— Почему вы избивали рабочих? — спросил он.

Вместо ответа арестованные принялись отвешивать поклоны, сопровождая их традиционными „хош", „хош".

Взбешенный тов. Фроловский не выдержал и ударил по лицу Козы Хайдарбека, у которого от удара слетела чалма.

Всех арестованных заперли в исправдом. Солдаты ежедневно выводили их и заставляли чистить и подметать улицы. В числе арестованных были:—Козы Хайдарбек; Бахретдин-аксакал Сузан-Гаранской части; Энвер-аксакал Ходжа-латын гузара; Закир аксакал Каландар Хана части Шамси Максумбаев—„москвабай"; Хасынча Азис Ходжа; Усманбай Мирсаидов и др.

---

[1] 20 августа 1932 г. произошел следующий инцидент. Автор, собирая различные материалы у красного партизана и члена партии Абас Ходжа Акил Ходжаева, спросил его: „кто, где и при каких обстоятельствах избивал вас, не помните ли?"

В этот момент в чайхану зашли два толстых гражданина и, заказав себе жареную баранину, принялись есть и подслушивать.

Абас Ходжаев вдруг обернулся и, указав пальцем на одного из них, сказал: „Вот кто меня избил; теперь состоит членом партии с 1918 г. Одного, вот того, исключили, а этот все еще в партии".

Тот, к кому относились эти слова, обратился ко мне.

—Вы, товарищ,—сказал он,—обращайтесь лучше к нам. Мы члены партии с 1918 г., а он ничего не знает.

После этого оба они вышли из чайханы.

ГЛАВА V.

„ФЕВРАЛЬ“ В СТАРОМ ГОРОДЕ

После этого первого удара по организации „Шурои Ислам“ весь царский аппарат был сметен. Часть чиновников переарестовали, часть просто сняли.

Таким образом фактически „февраль“ в старом Самарканде только и начался в этот период.

Спустя два дня после выборов в учредительное собрание вместо старого аппарата были снизу доверху избраны комитеты из 3-х человек.

Социальный состав этих комитетов был самый разнообразный.

Так в Каландарханинской части председателем комитета прошел Аакул Бакиев—бай. В Хайрабадской части—Абдусалом-аксакал—торговец, в Сузангаранской части—Ибрагим Саид Камалов—кустарь, член „Иттифаки“ и Совдепа, избитый накануне шуроисламистами.

Комиссаром (так звали тогда начальников милиции) 3-го района милиции, обнимающего весь старый город, большинством голосов прошел Давранбек Мирза Якубов (сын миршаба—пристава). Заместителем его—Мирза Юлдаш Насыров, член „Иттифаки“ (в 1921 г. перешедший на сторону басмачей и расстрелянный отрядом „Красный Восток“).

После ареста главарей, правление „Шурои Ислам“ было закрыто иттифакистами. Однако это еще не было равносильно ликвидации самой этой контрреволюционной организации. Влияние духовенства и байства на отсталые массы старого города было далеко еще не подорвано. Это видно хотя бы на примере выборов нового аппарата власти и в советы.

После двадцатидневного ареста, за солидную контрибуцию, внесенную членами „Шурои Ислам“, все арестованные организаторы избиения рабочих были выпущены на свободу.

Контрреволюционная организация „Шурои Ислам“ снова начала свою работу, применяя новую тактику борьбы с нарастающим революционным движением трудящихся.

Так прошел свой путь от Февраля до Октября пролетариат старого Самарканда, ведя за собой передовую часть городской и пригородно-кишлачной бедноты, в тесном союзе с русским пролетариатом, революционными солдатами, советом рабочих, дехканских и солдатских депутатов, под руководством группы большевиков.

Безусловно, много замечательных фактов выпало из поля нашего зрения, но ясно одно—фундамент единой интернациональной спайки между рабочими старого и нового городов был заложен прочно и по ленински.

Этому способствовало то обстоятельство, что в старом городе среди членов „Иттифаки" сгруппировалось здоровое ядро рабочих, вернувшихся после Февраля из России. С другой стороны, в самом Совдепе нового города также сложилась группа рабочих—большевиков, здоровое ядро которого во главе с тов. Фроловским проводило правильную национальную политику, боролось против великорусских шовинистов, рассматривавших всех туземцев, как врагов русских после памятного 16-го года.

Приведенные нами выше факты бьют великорусских шовинистов, пытающихся отрицать участие трудящихся основных национальностей в февральской революции.

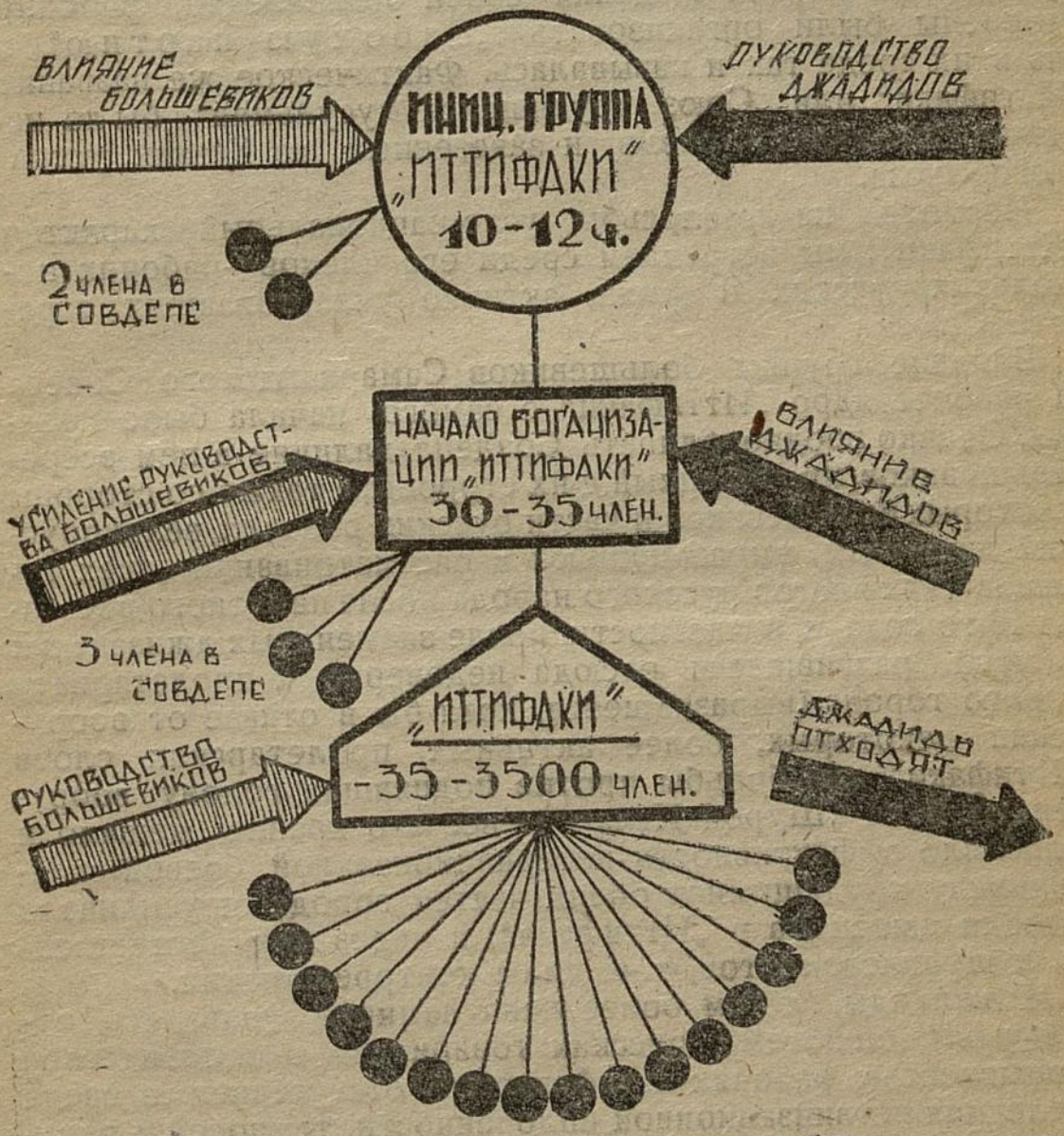
В то время, как выборы депутатов в учредительное собрание по новому городу проходили сравнительно спокойно, в старом городе они проходили в обстановке классовых схваток с десятками раненых и избитых рабочих и бедняков-активистов, с сотнями арестованных членов „Шуро-и Ислам".

Вместо враждебности к русским (как это изображалось в то время некоторыми товарищами из большевиков, подпавшими под влияние эсеро-меньшевиков и обывательщины, а сейчас некоторыми „историками") мы видим со стороны пролетариев и бедноты старого Самарканда определенное стремление выступать всегда совместно с русскими рабочими и революционными солдатами.

Все эти факты бьют также местных националистов, пытающихся изображать национальную буржуазию и ее идеологов—джадидов-революционерами, а последних чуть-ли не большевиками.

В противовес бухарским джадидам, переименовавшимся впоследствии в младобухарцев и до 20-го года действительно бывших революционерами (хотя и в Бухаре после Октября „верхи" склонялись на компромисс с эмиром для борьбы с Советами), боровшихся с оружием в руках против последнего оплота и опричника самодержавия—эмира Бухары,—самаркандские джадиды никогда не были революционерами, ограничивались проведением куцего культурничества, были трусливы, в любой момент, опасный для их жизни и имущества, отходили в сторону. Но вместе с тем джадиды усиленно мутили воду. „Левая" часть этой разночинной буржуазной интеллигенции, так или иначе примы-

РОСТ ОРГАНИЗАЦИИ „ИТТИФАКИ", ОТХОД ДЖАДИДОВ ОТ РУКОВОДСТВА и УСИЛЕНИЕ ВЛИЯНИЯ БОЛЬШЕВИКОВ (ДО ФЕВР. 1918 г.)

16 ДЕПУТАТОВ В СОВДЕПЕ - ВСЕ ЧЛЕНЫ ПАРТИИ-БОЛЬШЕВИКОВ

кавшая к „Иттифаки", вносила с собою идеи национализма и пантюркизма. Это им тем более удавалось, что в среде рабочих членов „Иттифаки" грамотные насчитывались одиночками (Мирджамалов Ишанкул, Ибрагимов Шамсетдин и др.) и были окружены с одной стороны темной неграмотной массой, а с другой националистически настроенной интеллигенцией.

С самаго начала создания своей организации, рабочие намерены были организовать „Рабочую партию" и она в их среде так и называлась. Фактическое же название „Иттифаки" или „Союз трудящихся мусульман" было навязано джадидами, равно и завезенный из Казани устав этого союза.

Несмотря на казалосьбы узко-национальный характер „Иттифаки", мы встречаем среди его членов—рабочих нескольких русских и армян, активно участвовавших в работе Союза[1]:

Влияние группы большевиков Самаркандского Совета на рабочее ядро „Иттифаки" с самого начала было крепким. Однако неоднородность Совдепа, наличие в нем эсеро-меньшевиков, проявленный с их стороны, а также со стороны некоторых большевиков и части русских рабочих, великорусский шовинизм, выражавшийся в рассматривании „всех туземцев", как врагов русского народа после памятного восстания 16-го года и, в частности, после знаменитых джизакских событий, развившееся отсюда недоверие к пролетариату старого города (выразившееся, хотя бы в отказе от вооружения некоторых, более активных пролетарских слоев „Иттифаки" для борьбы против поднявших голову вооруженных банд „Шурои Ислам")—все это крайне мешало и ослабляло эффективность интернациональной боевой спайки между трудящимися обеих частей города и усиливало позиции джадидов в „Иттифаки", а через них, естественно, и шуроисламистов, т.-е. силы контрреволюции.

И джадиды, а тем более панисламисты, пользуясь отдельными ошибками русских товарищей и политической неопытностью рабочих-иттифакистов, отсутствием в среде последних организационной сплоченности, темнотой и религиозными предрассудками масс, усиленно пытались повернуть нарождавшееся в старом городе рабочее движение на путь националистической пантюркистской деятельности.

---

[1] Участие туземных евреев в „Иттифаки" не выяснено. Однако в насильственном наборе 16-го года евреев-рабочих было мобилизовано также изрядное количество и они в Феврале вернулись в Самарканд.

Несмотря на все их старания разжечь национальный антагонизм, нигде по Самаркандской области в этот период не зарегистрировано в сколько нибудь обостренной форме межнациональных трений и эксцессов. Наоборот, в период от Февраля к Октябрю 17 года намечается, вопреки великодержавным шовинистам и панисламистам, большой сдвиг в создании единого фронта и интернациональной спайки между трудящимися коренного населения и русскими рабочими и солдатами против перегруппировавшегося в свою очередь белого клубка керенщины и шуроисламистов.

Здоровое ядро большевиков сумело найти правильный путь к разрешению национального вопроса, привлечь симпатии и доверие трудящихся масс и теснее связаться со здоровой, передовой частью пролетариата и бедноты старого города и вовлечь ее в активное участие в Октябрьской революции.

Как мы увидим в дальнейшем, самаркандские большевики именно так и повели свою работу и этим сумели избегнуть тех ошибок и извращений в национальном вопросе, которые в Коканде, например, усилили позиции местного национализма и на время ослабили победоносное шествие Октябрьской революции в Ферганской долине.

ГЛАВА VI

ВЗЯТИЕ ВЛАСТИ БОЛЬШЕВИКАМИ

Разогнав самаркандский аппарат власти Временного Правительства в октябрьские дни, самаркандские большевики установили и укрепили власть советов и свое руководство ею.

На пятый день Октября в здании Совдепа состоялось объединенное собрание большевиков, меньшевиков и эсеров, на котором с докладом об оформлении большевистской организации выступил тов Физилевский. После доклада и прений все 16 депутатов от „Иттифаки" и 15 депутатов—европейцев вступили в ряды РСДРП(б). Эсеры (Челогузов, Черняевский и др.), а также меньшевики, отказались войти в большевистскую группу и покинули собрание. Здесь же был избран областной комитет РСДРП(б) в составе т. т. Фроловского, Физилевского, Гущи, Смирнова, Белова, Мирбаба Юлдашева, Гибатуллина и Ходжи Сафа Джурабаева[1].

Одновременно был организован первый уездный комитет партии по старому Самарканду и уезду: в состав его вошли т. т. Мирбаба Юлдашев, Абдуазис Гафаров, Фатыхан Абдурахман Ходжаев, Ишанкул Мирджамалов и Ходжи Сафа Джурабаев. По социальному положению—3 рабочих и двое невыяснены.

В состав организованного исполкома Самаркандского уезда и старого города были избраны: председателем Ходжи Сафа Джурабаев (рабочий) и несколько человек членов (число и личности которых пока невыяснены).

Несмотря на то, что власть в Самарканде целиком перешла в руки большевиков, в старом городе и после организации исполкома и упарткома продолжало еще некоторое время существовать двоевластие.

---

[1] Факт избрания Джурабаева не установлен.

С одной стороны—советы, созданные Октябрем, уком и примыкавший к ним „Иттифаки".

С другой—созданные в период керенщины органы среднего и низшего звеньев государственного аппарата—4 части, гузары и квартальные „пол-комитеты" плюс органы милиции, созданные после выборов в Учредилку. Этот аппарат, если не целиком, то в большей своей части, находился под руководством и идейным влиянием организации „Шурои Ислам".

„ИТТИФАКИ" И КОКАНДСКАЯ АВТОНОМИЯ

Кокандская автономия, как это теперь полностью установлено, была прежде всего делом рук русских хлопковых „тузов" и банкиров. Русская империалистическая буржуазия временно заигрывала с узбекской националистической буржуазией под лозунгом: „пусть пока что хоть сам дьявол станет у власти, но только не большевики и Советская власть".

Такого же мнения придерживались и остатки царского аппарата, не терявшие надежды вернуть русским капиталистам утраченные права.

Все эти силы пока что сплотились воедино, направили острие своей политики против Советской власти в Коканде. Еще раз оправдались знаменитые слова Карла Маркса: *„Сила революции сплачивает силу контрреволюции"*.

Подготовка к провозглашению Кокандской автономии развернулась форсированными темпами сразу же после Октября. Еще задолго до съезда в старый Самарканд приехал Мустафа Чокаев.

Усилиями „Шурои Ислам" на площади Регистана был собран десятитысячный митинг. Перед этой многочисленной аудиторией, состоявшей в подавляющем большинстве из баев, торговцев и духовенства, выступили Мустафа Чокаев, Козы Исахан, Козы Хайдарбек.

Между прочим „Иттифаки" было послано от организаторов митинга официальное приглашение принять участие в митинге. На экстренно собранном заседании правление „Иттифаки" отказалось от участия и предложило всем своим организациям бойкотировать митинг. В вынесенном постановлении между прочим говорилось: „В Москве Ленин уже захватил власть в свои руки и теперь все перейдет к большевикам—рабочим".

Однако в ноябре (месяц спустя после митинга), во время созыва съезда для объявления Кокандской автономии, организация „Иттифаки" принимает приглашение участвовать в работах съезда и посылает на съезд своих делегатов.

Несмотря на яростное сопротивление здорового ядра рабочих 16-го года, пантюркистским элементам „Иттифаки" удалось обработать за это время мнение членской массы; правление послало на съезд 53 делегата, из них троих за счет организации, а остальных за их личный счет, но с мандатами от „Иттифаки".

В числе первых трех были Ходжи Сафа Джурабаев, Ибрагим Саид Камалов и Пир Мирсаид Зада.

На съезде немедленно вылились наружу разногласия внутри „Иттифаки".

После речи тов. Полторацкого, пытавшегося привлечь массы трудящихся делегатов на сторону Советской власти и большевиков, выступил Чокаев, который чувствуя на сегодня свою силу, после своей речи, полной нападок и клеветы на большевиков, обратился к тов. Полторацкому со словами:

— Возьмите ваш чемодан и покидайте Туркестан.

В ответ на это делегат от „Иттифаки" Ходжи Сафа Джурабаев взошел на трибуну и внес предложение:

— Предлагаю послать телеграмму тов. Ленину, что он скажет; а пока съезд отложить и ждать ответа.

Как бы в ответ на это выступил другой делегат „Иттифаки"—Ибрагимов.

— Мы не большевики и не меньшевики,—заявил он.— Мы стоим за интересы трудящихся мусульман (!).

Оба эти выступления отразили влияние большевиков в среде трудящихся членов „Иттифаки" и влияние националистической панисламистской интеллигенции в среде мелко-буржуазных членов организации

Вернувшись после съезда в Самарканд, делегаты „Иттифаки" больше участия в деятельности „автономии" не принимали.

ГЛАВА VII.

БЕЛЫЙ ТЕРРОР

После провозглашения Кокандской автономии, „Шурои Ислам", объединившись с бывшими царскими чиновниками и белым офицерством, начал усиленную подготовку к вос-

станию против Советской власти и к захвату власти в свои руки. Сигнал из Коканда был им дан.

Но наличие „Иттифаки" с ее революционной прослойкой—16 членов большевиков-членов Совдепа — мешало контрреволюционным замыслам панисламистов. Надо было сначала обезличить революционное лицо „Иттифаки".

Серьезных вооруженных сил в распоряжении „Шурои Ислам" не было, если не считать 25—30 головорезов из уголовных элементов и мясников, готовых за деньги на устранение отдельных главарей „Иттифаки". Правда, в случае чего на помощь им могла бы притти известная часть старо-городских милиционеров—агентов и членов „Шурои Ислама". В общем, пока что „Шурои Ислам" взял ориентировку на организацию индивидуального террора руками этих 25—30 бандитов, вооруженных с помощью царских офицеров Бржезицкого, Сивкова и др. Участниками этой банды подкупленных убийц были братья Сафаевы, Раджаб и Исмат и др.

Банде было дано задание убить всех главарей „Иттифаки", в первую очередь 16 членов Совдепа—большевиков, а затем и остальных активных рабочих.

Против этой сравнительно маленькой кучки наемных убийц органы Советской власти старого города и организация „Иттифаки", насчитывавшая в то время в своих рядях до двух тысяч членов, не могли выставить никакой вооруженной самообороны. Даже члены Совдепа ходили совершенно безоружными. На их многочисленные просьбы о выдаче оружия, сидевшие в Совдепе эсеры, меньшевики и даже некоторые большевики отказывали под всяческими предлогами.

Само собой разумеется, что подобное отношение создавало отрицательные настроения в среде членов „Иттифаки" и развязывало руки „Шурои Ислама".

Первой жертвой пал Шамсетдин Ибрагимов, который решением большевистской организации должен был назавтра ехать на учебу в Москву.

Через два дня после исчезновения Ибрагимова, на заседа-

Шамсетдин Ибрагимов, чл/п с 1917 г. красный партизан, убит орг. „Шурои Ислам."

Похороны Шамсетдин Ибрагимова.

нии Облисполкома, на котором присутствовало до ста человек, Ходжи Сафа Джурабаев поставил вопрос о необходимости вооружения старогородских депутатов Совдепа и создания боевых партизанских дружин из членов „Иттифаки“ против наглых вылазок классового врага в лице „Шурои Ислам“. Депутаты старого города единодушно заявили, что если им не дадут оружия, то контрреволюция, уничтожив их поодиночке, примется за новый город.

Вопрос этот вызвал горячие прения и большой шум—„дать или не дать“.

Великорусский шовинизм, незнание бытовых особенностей старого города, поверхностное отношение к классовой борьбе в старом Самарканде, обывательский призрак „джизакской резни русских узбеками“,—все это, переплетаясь в одно целое, вызвало бурю протестов.

— Не давать им оружия!

— Не доверяйте узбекам!

Несмотря на все эти выкрики, здоровое ядро большевиков поставило этот вопрос на повестку дня и решительно выступило в защиту выдачи оружия.

— Мы считаем их своими,—заявил Фроловский,—они члены нашего Совета, мы обязаны их защищать и вооружать. Мы предлагаем выдать 16 винтовок и найти пропавшего Шамсетдина Ибрагимова.

Предложение большевиков при голосовании прошло. На утро из крепости были выданы 16 винтовок для членов Облисполкома, которые и составили ядро первых вооруженных дружин старого Самарканда—красных партизан.

Через 48 дней по исчезновении Ш. Ибрагимова и получения оружия, тело его, зверски зарезанного, было найдено и торжественно в присутствии всех членов Совдепа, Облисполкома, войск, красногвардейцев, партизан, членов „Иттифаки“ и европейских профсоюзов, при огромном стечении трудящихся масс, было опущено в могилу на площади Регистана, где под небольшим памятником оно лежит и поныне.

Эти революционные похороны, разжигающие речи ораторов—русских, узбеков и таджиков, их призывы стать на защиту власти Советов, военные салюты с крепости из орудий и ружейные залпы—все это еще более революционизировало массу, сплотило ее вокруг Советов.

В эти дни организация „Шурои Ислам“ была вторично разгромлена членами „Иттифаки“; около 100 главарей

шуроисламистов были вновь арестованы и заключены в тюрьму впредь до суда и расправы.

Во время разгрома были убиты палачи—Раджаб Гавджаллаб, Хикмат и др. Мамуд Гав был позднее расстрелян в г. Кермине, куда он скрылся[1]:

ГЛАВА VIII.

БЕЛОКАЗАКИ В САМАРКАНДЕ

В январе 1918 года, два дня спустя после похорон Ибрагимова, в Самарканд ворвались отряды белоказаков. Их торжественно встречала вся русская белогвардейщина, объединенная партия „Шурои Ислам", раввины и богачи из еврейского квартала. Казаки немедленно освободили из тюрьмы всех арестованных Советской властью контрреволюционеров и в том числе и шуроисламистов.

На площади Биби Ханум казакам был дан торжественный обед.

Советская власть в те дни фактически пала. Руководители ее ушли в подполье.

Шуроисламисты, вышедшие навстречу белоказакам с белыми знаменами, позднее устроили демонстрацию с плакатами, привезенными якобы из Коканда, на которых изображалось, как „русские—большевики режут мусульман", как „русский рабочий, убивая беременную узбечку, вынимает из ее живота ребенка и хочет повесить его на забор" и т. д. Под всеми этими изображениями имелась надпись:

„Вот как русские—большевики поступали с вами, о, мусульмане, в городе Коканде! Так поступят они с вами и в Самарканде, если мы не выгоним их отсюда!".

Один из членов „Шурои Ислам" крупный торговец Абдусалом-аксакал во главе демонстрации с белым знаменем в руках и с криком—„долой рабочую партию! Да здравствует новая власть!"—прошел по Ташкентской улице.

На площади Биби Ханум при огромном стечении народа был созван митинг. Характерно, что трудящиеся массы почти отсутствовали.

Абдусалом-аксакал, желая привлечь возможно большее количество населения, приехал в Сузангаранскую часть Ходжа Низбадан гузара, заметил возле чайханы группу бедняков-кустарей.

---

[1] См. брошюру А. Гуманенко „Шамсы", Госиздат УзССР 1932 г.

— Что вы сидите здесь! — крикнул он,

— Идите на митинг! Разве не знаете! вот теперь прибыла настоящая власть! Идите встречать ее!

— Мы не доверяем вам! — прозвучал в ответ голос кустаря Уста Исмаил Зада.

Так аксакал ни с чем и уехал. На митинге же тем временем выступал с речью Козы Исахан.

— Объединяйтесь, о, мусульмане! — взывал он к народу, — теперь нет между нами бедных и богатых! — Русские — временные гости наши. Объединяйтесь в единое государство от халифата до Китая!

После него на трибуну вошел рабочий Джурабаев, который, обращаясь к Косы Исахану, Хайдарбеку и другим баям, сказал громко:

— Брось, брось, Козы Исахан! Один раз ты продал нас в рабство, теперь хочешь вторично продать нас казакам! В Москве Ленин уже взял власть в свои руки и скоро все перейдет в руки рабочих.

Сказав это он слез с трибуны и вмешался в толпу.

Впечатление от речи Джурабаева было огромное. Члены „Шурои Ислам“ и отряд белоказаков бросились разыскивать его в толпе, чтобы учинить над ним расправу. Однако Джурабаев сумел ускользнуть и скрылся в доме тов. Салматова[1] по Овражной улице № 38.

Пробыв несколько дней в Самарканде, казаки, получив ультиматум с крепости и от „Иттифаки“ покинуть пределы старого города во избежание бобмардировки последнего, двинулись к вокзалу, в районе которого были окружены и разоружены красногвардейцами — железнодорожниками и красными партизанами.

ГЛАВА IX

ЛИКВИДАЦИЯ „ШУРОИ ИСЛАМ“.

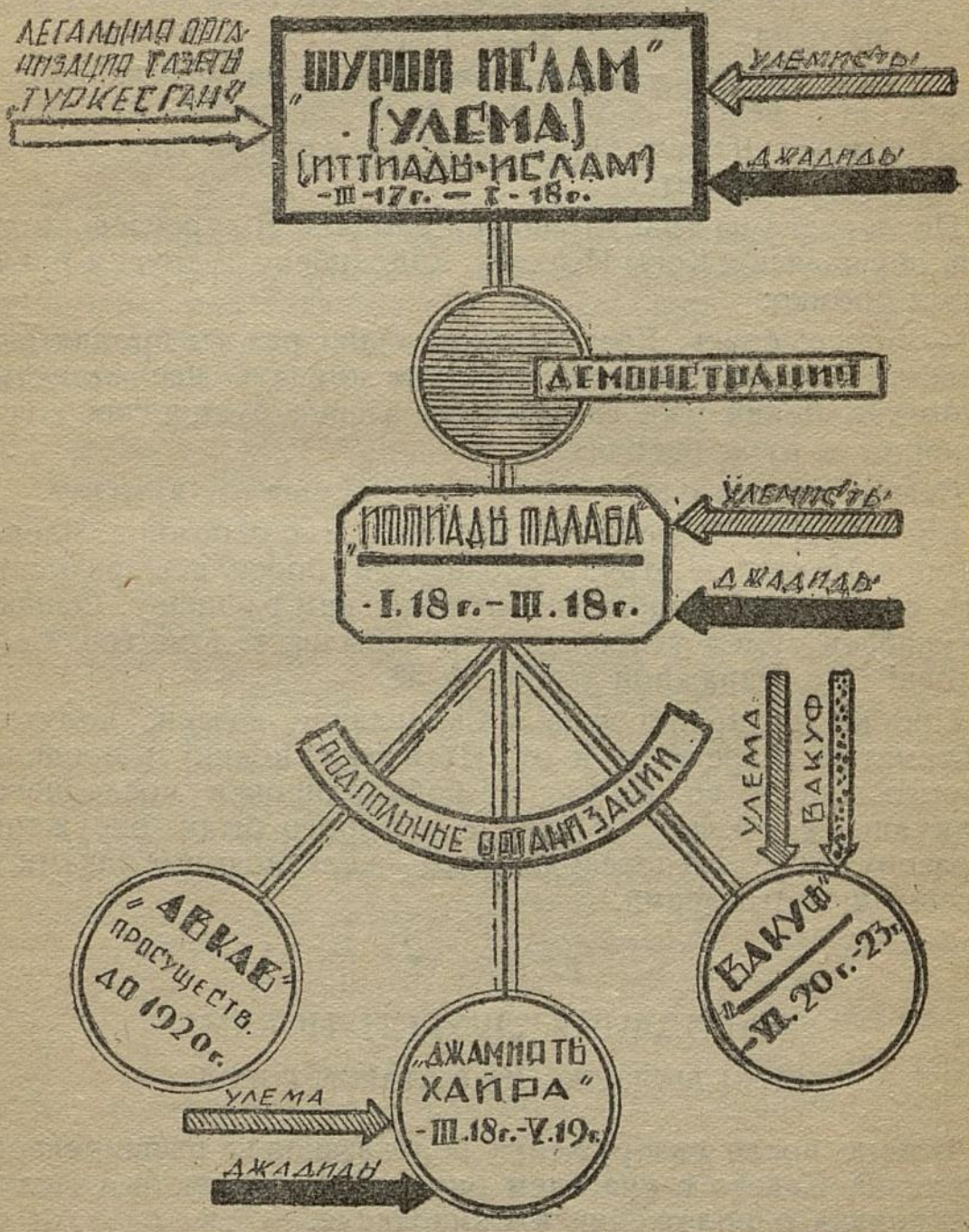
КОНЕЦ ДВОЕВЛАСТИЯ В СТАРОМ ГОРОДЕ.

Вскоре после разоружения белоказаков на расширенном заседании Совета с участием около 300 человек был заслушан доклад о положении в Самарканде.

Докладчик — военный недавно прибывший из Коканда, где он руководил бомбардировкой старого города, делая

[1] Тов. Салматов, член ВКП (б) с 1917 г., сейчас работает начальником милиции бывш. старого города Самарканда.

ВОЗНИКНОВЕНИЕ и ЭВОЛЮЦИЯ К.-Р. ОРГАНИЗАЦИИ „ШУРОИ ИСЛАМ" В СТАРОМ САМАРКАНДЕ (1917-1923 г.г.)

доклад о подготовке „Шурои Ислам" к восстанию и резне европейцев, преувеличивая и переоценивая силы этой контрреволюционной организации, внес предложение о необходимости бомбардировки старого города Самарканда с целью устрашения шуроисламистов.

Не дожидаясь решения Совета было отдано соответствующее распоряжение и крепостные орудия были направлены на старый город.

На заседании Совета поднялся горячий спор. Против бомбардировки выступило здоровое ядро большевиков—Фроловский, Гуща, Чечевицкий, Смирнов, а также все депутаты от „Иттифаки".

Сторонники бомбардировки горячо им возражали.

— Все — и „Шурои Ислам", и „Иттифаки", — кричали они, — во время съезда Кокандских автономистов выступали против нас. Все они торжественно встречали белоказаков, призывали вырезать всех русских и вообще европейцев. Поэтому надо их всех уничтожить.

Между прочим „Иттифаки" еще за день до заседания получил приказ: со всеми членами и семействами собраться в крепости и ждать до конца бомбардировки. Однако на экстренном заседании правление „Иттифики" постановило отказаться от исполнения этого приказа и заявить самый энергичный протест через своих депутатов в Совете по поводу предстоящей бомбардировки города.

Депутаты Юлдашев, Джурабаев и др. выступали на заседании Совета с протестом и внесли предложение:

— Дайте нам оружие и мы покончим со всей контрреволюцией в старом городе. Их горсточка, и из-за них мы не дадим бомбардировать старый город.

После ряда выступлений на голосование было поставлено два предложения:

1. Всем членам „Иттифаки" со своими семействами собраться в крепости и город подвергнуть бомардировке.

2. (Предложение большевиков и „Иттифаки") Выдать около 500 винтовок и достаточное количество патронов в распоряжение „Иттифаки" для подавления и разгрома „Шурои Ислам" и ареста всех контрреволюционеров старого города; одновременно поручить Совету вооружить европейцев для разгрома и ареста белых в новом городе.

Второе предложение прошло большинством голосов против трех.

Наутро, получив винтовки и патроны, вооруженные члены „Иттифаки" повели наступление на „Шурои Ислам". Весь город был разбит на участки. В первую очередь была разору-

жена красными партизанами старо-городская милиция, среде которой было много агентов панисламистов, как например братья Вофа Сафаевы, по профессии воры. Их вывели на Афросиаб, где и расстреляли обоих, а также Бурхан бая, Кадыр Заргара, Бобадыр-Хана, Раджаб Тухтамыша, Истам Пулата.

Всего было расстреляно 15 человек—членов и палачей „Шурои Ислам".

Эта организация была объявлена ликвидированной, правление и члены частью разбежались, частью были убиты.

Советская власть была навсегда укреплена в старом Самарканде, а двоевластие уничтожено.

Джадидские главари—Бек Буди и Шакарбанов—сбежали от власти советов в Карши, откуда пытались связаться с эмиром Бухары, идя на все уступки, и вызвать из Турции Энвер-пашу. Но не поняв их намерений, сторонники эмира убили их. Впоследствии сам Саид Алим Хан Бухораи раскаялся в своем поступке.

ГЛАВА X.

РЕКВИЗИЦИЯ БАЙСКОГО ИМУЩЕСТВА

В описываемое нами время положение рабочих и городской бедноты Самарканда и кишлачной бедноты в области было ужасным. Еще до войны страна питалась главным образом привозным из России хлебом. Начиная с памятного 1916 года поля были опустошены, в городе все меньше и меньше накапливалось местного хлеба. Имевшиеся запасы хранились в амбарах крупных спекулянтов всех национальностей и цены пошли в гору.

В январе 1918 г., когда ж. д. сообщение с Россией было закрыто Дутовым так называемой Оренбургской пробкой, цена за пуд хлеба дошла до 250 рублей.

Острый недостаток ощущался и в керосине, сахаре, мануфактуре и др.

И в области, и в старом городе Самарканде были случаи голодной смерти.

Ликвидация „Шурои Ислам" и двоевластия в старом городе, тем самым укрепление органов Советской власти, дала возможность приступить к широкой реквизиции имущества и излишков продовольствия у баев и спекулянтов. Эта работа была проведена под руководством уездного

исполкома и уездкома РСДРП(б) вооруженными отрядами красных партизан.

Так у купца Мамадкул Урунбая был отобран и сдан Облисполкому легковой автомобиль; у Шамсетдин-бая—1500 пудов керосину; со складов Мамараим и Ходжа Мухамедбаев в течение нескольких дней вывозился товар, керосин, хлеб и т. п.; огромные запасы продуктов питания были реквизованы у баев Шамси Максума Мазамбаева, Ариф-джанбаева, у торговцев Натана Мулкадана, братьев Якуба и Абрама Калонов, Фузаила Иса Кадыра, Каландаровых и др.

По всему городу были открыты бесплатные столовые и распределительные пункты.

Почти тоже происходило и в новом городе, где у спекулянтов и кулаков—русских, армян и др.—было реквизировано огромное количество товаров, через столовые и распределительные пункты розданных голодающим рабочим, их семьям и бедноте.

По области раскинулись 27 пунктов помощи голодающим, назывались они „фонд голодающих".

Муки, пшеницы и товаров при массовой голодовке городов и кишлаков находили у баев в огромных количествах. Так у бая Барат Алиева отобрали вагон пшеницы; у Ходжа Абдусаламбая 12 тысяч кож; у Маматкул байбача 2 вагона пшеницы; у Мансурбая Арпафруша несколько вагонов ячменя; у Исман Мирсаид Ходжа Мирсаидова вагоны фуфаек, хрома и др.

По всем кишлакам вооруженные отряды красных партизан производили у баев реквизицию скота, хлеба и других продуктов в помощь голодающим.

Это мероприятие уисполкома и обкома партии имело глубокое политическое значение. Трудящиеся кишлаков сплотились вокруг Советской власти и этим именно и объясняется тот факт, что в Самарканде и в области в 1918—23 г.г. басмачество не получило массового распространения.

После Октября „Иттифаки" растворился фактически в профсоюзах; накануне ликвидации число его членов по старому городу доходило до 4-х тысяч человек. „Иттифаки" разбился на 17 профсоюзов, от коих было избрано 40 депутатов. Первоначально они носили название „Мусдеп", впоследствии переименовались в Совдеп и взяли на себя руководство избранными по старому городу советскими органами—уисполкомом, квартальными комитетами и

др.; часть депутатов работала в облисполкоме и в обкоме партии. Точная дата, когда „Иттифаки" был объявлен ликвидированным, неизвестна.

Фактически февральская революция и Октябрь произошли в старом городе Самарканде несколько позднее, чем в новом.

Причина этой запоздалости кроется не в том, что (как утверждают великорусские шовинисты) „трудящиеся старого города не были подготовлены, классовое расслоение там было еще в зародышевой форме, массы были темны и отсталы" и т. д. и т. п. И не в том (как утверждают местные националисты), что „у нас нет и не было классов и классовой борьбы, революцию привезли с собой и навязали нам русские, масса наша еще не подготовлена к социализму".

Не трудно обнаружить трогательное единение во взглядах, которые высказывались по этому вопросу и великорусскими шовинистами и местными националистами.

Оба эти утверждения целиком и полностью опровергнуты жизнью. Исторические факты и живая действительность показывают прямо противоположное положение.

В то время, как в новом городе революция проходит сравнительно спокойно, в старом городе Самарканде она протекает в бурных, кровавых классовых боях (выборы в Учредилку, двукратная ликвидация „Шурои Ислам" и т. п.); попытки панисламистов организовать восстание против Советской власти ликвидируется руками рабочих и кустарей старого города и т. п.

Фактическое победоносное шествие революции в старом городе (ломка старого аппарата власти и замена его новым под руководством партии большевиков, эксплоатация эксплоататоров и т. п.) затянулось благодаря великодержавному отношению к национальному пролетариату и его революционным организациям: — со стороны большевистской организации было проявлено ничем не прикрытое подозрение (отказ в выдаче оружия большевикам-националам, попытка бомбардировать старый город и др.) — и как следствие этого — слабому, а подчас и почти полному отсутствию руководства делом втягивания широких трудящихся масс коренного населения области в активную советскую политическую деятельность. Революционное ядро старого города долгое время не имело оружия, чтобы сло-

мить сопротивление шуроисламистов и вырвать от них фактическую власть в старом городе.

Это открывало широкое поле деятельности и создавало благоприятную почву для контрреволюционной националистической агитации буржуазии и духовенства в деле разжигания национального антагонизма и ненависти к русским, в том числе и к русскому пролетариату.

Взаимное незнание языка—и здоровой частью большевистской организации нового города, и рабочими—большевиками старого города—создавало положение некоторой взаимной оторванности.

В итоге Октябрьская революция в старом городе, как и революция февральская, несколько отстала во времени по сравнению с новым городом.

Большевики Самарканда, правда с некоторым запозданием, все-таки сумели по ленински исправить свои ошибки в практическом проведении национальной политики и тем избежать повторения в Самарканде печальной памяти кокандских событий.

ГЛАВА XI.

НЕСКОЛЬКО СЛОВ ОБ ОСИПОВЩИНЕ В САМАРКАНДЕ

Ни одно из крупных событий классовой борьбы пролетариата с буржуазией в таких центрах, как Петроград, Москва или Ташкент, не происходило без того, чтобы оно немедленно находило тот или иной отклик, в той или иной форме, и в Самарканде. Июльское наступление корниловщины на Петроград в 17 году, наступление Деникина на Москву в 18 году, Осиповское восстание в Ташкенте в 19 году и т. д.— все это имело свое отражение в Самарканде, да и иначе и быть не могло. Несмотря на свою отдаленность, Самарканд, тем не менее, естественно являлся одним из участков огромного фронта классовой борьбы

В данном случае нас интересует вопрос: какое отражение получило в Самарканде Осиповское восстание в Ташкенте?

За день до восстания, по директиве Ташкента, в здании нынешнего кино-театра „Прогресс“ было назначено общее объединенное собрание большевиков и эсеров гор. Самарканда.

План эсеров и переодетых белогвардейцев сводился к тому, чтобы тут же на собрании покончить с большеви-

ками, а остальных (в случае, если на собрание придут не все) переарестовать на квартирах и расстрелять. Адреса всех большевиков как в русской части города, так и в старом городе, были собраны и тщательно проверены. Собрание должно было состояться вечером. В течение всего дня эсеры и белогвардейцы вели подготовительную работу.

Однако, незадолго до собрания большевики получили целый ряд предупреждений от рабочих узбеков и европейцев о готовящемся восстании.

Тов. Юлдашев Мирбаба—бывший в то время ответственным секретарем Самаркандского уездного комитета партии большевиков—рассказывает в своих воспоминаниях, как он, переодевшись нищим, подслушал разговоры о предстоящем восстании и резне большевиков групп эсеров и белогвардейцев (среди них был и бывший губернатор Сивков), совершенно не стеснявшихся громкими разговорами на улице, и немедленно сообщил об этом облисполкому.

На экстренном совещании находившихся в Совете большевиков собрание было отменено, к зданию Совета были немедленно стянуты войска и рабочие дружины, всех партийцев вызывали и вооружали. Город был объявлен на военном положении и введена охрана части города до утра.

Утром пришло известие об Осиповском восстании в Ташкенте и гибели 14 большевиков. Благодаря своевременно принятым мерам, попытки белогвардейцев и эсеров организовать восстание и в Самарканде не удались. Впоследствии эсеры долго еще боролись за власть и влияние, но уже несколько иными методами.

В марте 1919 г. открылся V-й съезд Советов Туркестана, на который из Самарканда выехал ряд делегатов. В поезде эсеры сели отдельно в один из задних вагонов, а большевики разместились в переднем вагоне.

Отъехав 8 верст от Самарканда, поезд потерпел крушение: „случайно“ опрокинулся вагон, в котором ехали большевики, вагон же эсеров остался невредим.

При крушении погибли т. т. Умар Бабаджанов, Нажметдин Нуретдинов (оба большевики) и один русский рабочий, фамилия которого не выяснена. Ранеными оказались т. т. Абас Ходжа Акил Ходжаев, Курбан Закиров, Нажметдин Мирза и ряд других.

ГЛАВА XII.

ЭВОЛЮЦИЯ „ИТТИФАКИ“ И „ШУРОИ ИСЛАМ“

Уже к концу 1918 года „Иттифаки“ распался на 17 отдельных профорганизаций—металлистов, кожевников и др. Каждый союз избрал правление в составе 3 х членов, а председателей и секретарей выделяло правление „Иттифаки“, фактически превратившееся в своего рода старогородской профсовет. Он объединял до 4000 человек членов и являлся уже объединением не пролетарских профсоюзов (ибо рабочие составляли там ничтожный процент), а объединенным союзом мелких товаропроизводителей (мелкой буржуазии). Естественно, что большинство рабочих представителей „Иттифаки“ (вернувшихся с царского фронта), занявших должности председателей союзов и руководивших организацией масс в кишлаках и пригородном районе и вовлекавших их в профсоюзы и в работу советских органов, систематически вытеснялись буржуазно-националистическими элементами руководства „Иттифаки“ и заменялись „грамотными“ председателями и секретарями.

Союз „Кошчи“ являлся профсоюзом кишлачных товаропроизводителей. Еще долгое время 40 депутатов Облисполкома носили название „мусульманских депутатов“ („мусдеп“).

Все это говорит за то, что внутри „Иттифаки” и образовавшихся из него профсоюзов шла националистическая работа буржуазной интеллигенции.

Панисламистские и пантюркистские элементы внутри „Иттифаки“ не сложили оружия.

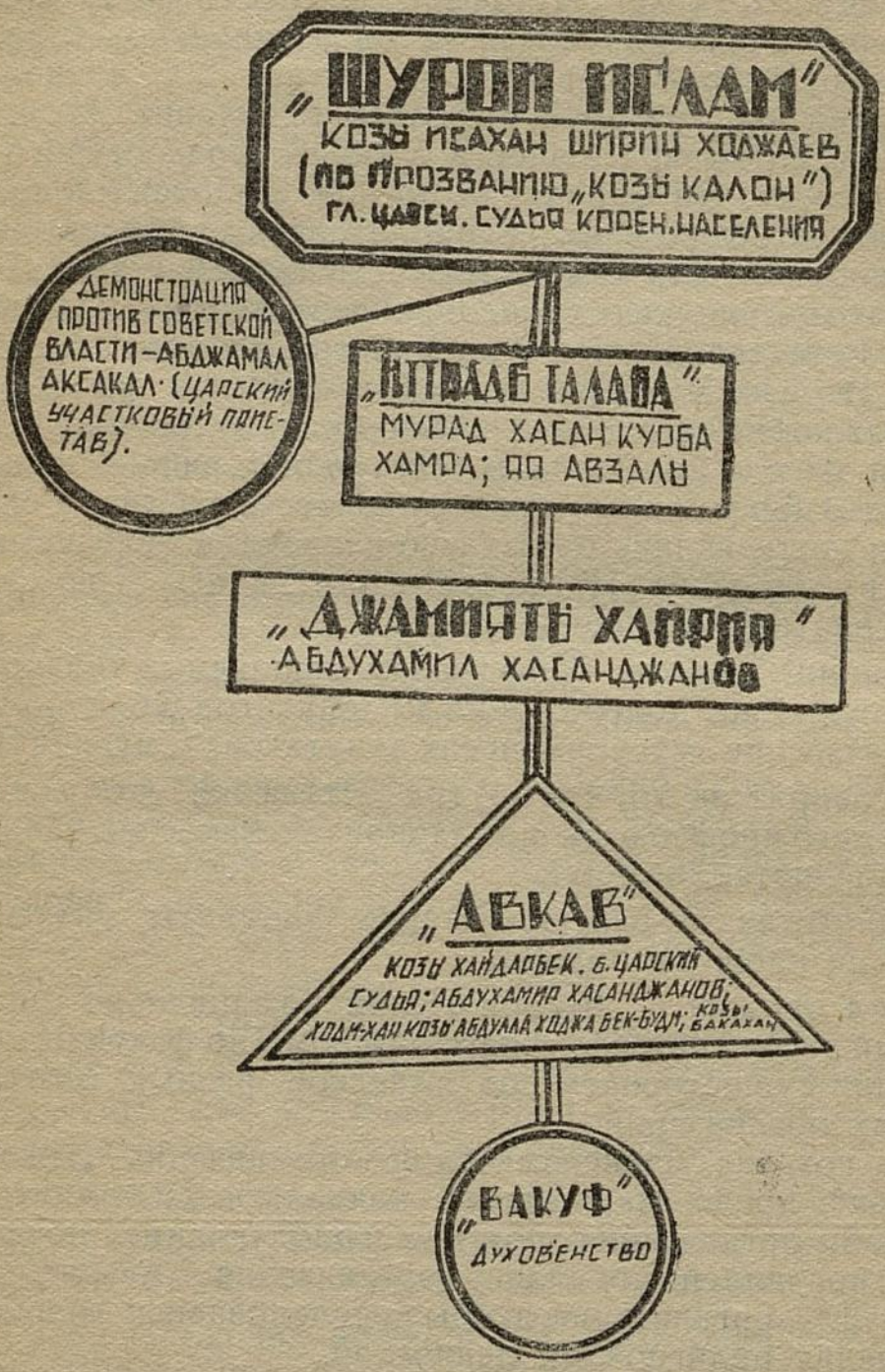
Не сложил оружия и „Шурои Ислам“, официально ликвидированный после третьего своего разгрома, но фактически продолжавший существовать под вывеской разных благотворительных организаций.

Так была создана панисламистами—организация „Джамияты Талаба“; после закрытия ее появилась „Джамияты Хайрия“ (якобы организация помощи голодающим); после запрещения последней появилась организация „Авкав“, а затем—„Вакуф“—организация, якобы преследовавшая только цели сохранения религиозных ценностей.

„Вакуф“ просуществовал до 1923-24 г. вплоть до того, как он был запрещен и ликвидирован.

Все эти возникавшие друг за другом организации шли по одному и тому руслу, но в различных формах пытались использовать легальные возможности для выполнения основ-

ГЛАВАРИ НАЦИОНАЛИСТИЧЕСКОЙ КОНТР-РЕВОЛЮЦИИ В СТАРОМ гор. САМАРКАНДЕ.

ной своей контрреволюционной буржуазно-националистической задачи: „не прекращать борьбу с советской властью; подготовить кадры молодежи; держать массу под своим влиянием и ждать удобного случая".

Особенный интерес представляет тот установленный теперь факт, насколько серьезное внимание обращалось всеми этими „благотворительными" организациями на подготовку своих надежных кадров из молодежи.

Это видно хотя бы из того, как усиленно посылались дети крупных баев и духовных лиц на учебу в Баку, Ташкент и другие города Союза, а равно в Турцию, Германию и другие страны.

Для них собирались специальные суммы, которыми в достаточном количестве снабжались молодые кадры контрреволюционного национализма. Эти средства собирались через упомянутые выше организации.

Раскрытые и разоблаченные железной рукой диктатуры пролетариата при помощи рабочих и дехканских масс контрреволюционные организации: „Иттиады Исламы", касымовщина, султангалиевщина, бадретдиновщина, организация Бату—Рамзи и др., все они не являются какими-то случайными и самостоятельными факторами, а в той или иной степени плодами работы пантюркистов в „Иттифаки" и „Шурои Ислам".

СОДЕРЖАНИЕ

Стр.

Предисловие 3

Февральская революция.

Глава I. — „Мусульманский клуб" 7

„ II. — Рабочие „16 года" в России 10

„ III. — Организация „Иттифаки" 12

„ IV. — Выборы в Учредилку и 1-й разгром „Шурои Ислам" 20

„ V. — „Февраль" в старом городе 25

Октябрьская революция.

„ VI. — Взятые власти большевиками 30

„ VII. — Белый террор 32

„ VIII. — Белоказаки в Самарканде 36

„ IX. — Ликвидация „Шурои Ислам" и конец двоевластия в старом городе 37

„ X. — Реквизиция байского имущества 40

„ XI. — Несколько слов об осиповщине в Самарканде . . 43

„ XII. — Эволюция „Иттифаки" и „Шурои Ислам" . . . 45

Редактор Н. Н. Гарвей

Сдано в набор 7/III-33 г.

Подписано к печати 15/V-33 г.

Госиздат УзССР № 799/1603

Узлит № 50 л Зак. № 498 Тираж 4000

1-я Типо-литография Узнаркомлегпрома Ташкент 1933

БИБЛИОТЕКА ИНСТИТУТА ЛЕНИНА